

Г. Р. ДЕРЖАВИН

**Гимн лиро-эпический
на прогнание французов из отечества**

1812

Благословен Господь наш, Бог,
На брань десницы ополчивый
И под стопы нам подклонивый
Врагов надменных дерзкий рог.
Восстань, тимпанница царева,
Священно-вдохновенна дева!
И, гусли взяв в багряну длань,
Брось персты по струнам — и грянь,
И пой победы звучным тоном
Царя Славян над Авадоном.

Что ж в сердце чувствую тоску
И грусть в душе моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Под пеплом в дыме зрю Москву,
О страх! о скорбь! Но свет с эмпира
Объял мой дух,— отблещет лира;
Восторг пленит, живит, бодрит
И тлен земной забыть велит,
«Пой! — мир гласит мне горний, дольний,—
И оправдай судьбы Господни».

Открылась тайн священных дверь!
Исшел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змиевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетая вокруг всю ошибами сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,

Холмят дыханьем pont,
Лют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиренный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один,—
Исчез змей-исполин!

Что се? Стихиев ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?
Иль так рожденные утробой
Коварств крамола, лесть, татьба
В ад сверглись громом с князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишились солнца их лучей?
От пламенных его очей
Багрели горы, рдело море,
И след его был плач, стон, горе!..

Иль Галл, творец то злых чудес,
Похитивший у ветра крылы,
У доблести, у веры силы,
Скиптр у царей, гром у небес,
У правосудия законы?
Убив народов миллионы,
Изгнав к отечеству любовь,
Растлил всех дух, оподлил кровь,
Став хищна раб Наполеона,—
Возмнил быть царь вселенной трона?

Так — он, то Галл с своим вождем:
Навергнув на царей ярем
И всю почти плена Европу,
Дал страшному Атропу
Не раз ея же кровью пир;
Прервал звук нежных лир,
Пресек спокойствие, торги, труд сельский, мирный
И, в блеск разбойника порfirный
Одев, возвел на трон,—
То был Наполеон.
Он ветви ссек лилей несчастных
И, в замыслах своих ужасных
Превозносясь, как некий дивий Гог,
В гордыне мнил, что все творить возмог.

Но, на спокойну зря Россию,
Что перед ним одна не клонит выю,
Вспылал, простер завистну длань —
И дхнул из зева брань.

Уже, как смрадных тучи пруг,
Его летящи легионы
Затмили свет, иль быстры волны
Как рек пяти шумящих вдруг¹
Чрез Неман прорвались преградный.
Сам он, как тигр на трупы гладный,
Предспеющий своей молве,
Шагнул к Днепру, шагнул к Москве.
Кровавы вслед моря струились
И заревы по небу рдились.

В стремленыи быстр, в бою жесток,
Уже своей победой дмился,
Что мы (с насмешкою хвалился)
Бежим его и праха ног;
Что быстрый полк его орлиный
На дом Петра, Екатерины
Воссядет скоро средь столиц
И вкусит он от царских лиц,
По жатве звучной, громкой славы,
В Петрополе, в Москве забавы.

Уже блаженств своих с одра
Россия внемлет глас царя,
Зовущего на ополченье.
О радостно виденье!
Так Май, блестя своим лицом,
Сквозь туч чрез тихий гром
Скликает сонм с полей, с лесов к себе пернатый.
Различно племя, в разны латы
Облекшись, российский род
Как исполин встает;
Идет на брань единодушно,
Монарху своему послушно,
За трон его, за веру умереть.
Нигде сей ревности подобной нет!
И старцы, дети, жены, девы,
Богатства все свои в сокровища царевы
Отдав, идут в Господень храм
Взнести душ их фимиам.

Держай твердь, море, землю, ад
И равновесье меж мирами;

Дышай зефирами, громами
И все в един вмешаяй взгляд,
Воззрев на лесть Наполеона,
На святость Александра трона,
В нощь темных туч себя облек
И тихим гулом грома рек:
«Полна нечестья Галлов мера,
Спасает Россов тепла вера!»

И бысть.— Молебных капля слез,
Упадши в чашу правосудья,
Всей стратегистики орудья,
Как прах, взметнула до небес.
Раздвинглись Чермна Моря волны,
И Фараон, гордыней полный,
Ступил в невлажный pont ногой.
Морских зверей, чудовищ строй
Хотя сей дерзости глумились,
Но будто бы боясь — странились,

И отверзали сами путь;
А он, чтоб паче страх вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Как бы закрыв зеницы,
Бесстрашно вшел во сердце вод
И гнал Иаковль род,
Избранный искони и ввек хранимый Богом,
Тесня его поспешным ходом;
Но Бог воззрел на Норд:
Слился двухолмный pont —
И с шумом поглотил тирана.
След стал его лишь влага слана;
Лишь выплывал там щит, там тул, там бронь,
Там с всадником выказывался конь,
Блестела чуть в зыбях порфира.
Не честолюбья ли то образ мира
И гибели надменных сил?
Се Бог как их казнил!

Но ужас дух еще объял!
Царь Сирии, правитель мира,
Явя в себе торжеств кумира,
Безумным вдруг животным стал,
И на стене пред всех очами
Писала длань огня чертами,
Что скоро власть царя пройдет,
Который правды не блудет.

Всевышний управляет царства,
Дает, отъемлет за коварства.

Не видим ли и в наши дни
Мы сих чудес в Наполеоне?
На зыблемом восседши троне,
Не возлюбил он тишины,
Но, злобу злобами умножа,
Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустенье внес,
Святых не пощадил телес,
Пол нежный, посрамленный,
Заставил втайне лить ток слезный,—

И Бог сорвал с него свой луч:
Тогда средь бурных, мрачных туч
Неистовой своей гордыни,
И думы благостины
Смердя своими надписьми,
А алтари коньми
Он поругал.— Тут все в нем чувства закричали,
Огнями надписи вспыхнули,
Исслали храмы стон —
И обезумел он.
Сим предузнав свое он горе,
Что царство пройдет его вскоре,
Не мог уже в Москве своих снести зол,
Решился убежать, зажег, ушел; —
Вторым став Навходоносором²,
Кровавы угли вокруг бросая взором,
Лил пену с челюстей, как вепрь,
И ринулся в мрак дебрь.

Но, Муза! тайнственный глагол
Оставь,— и возгрими трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на Галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молны с молнями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звука, слал гул;

Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна Смерть с косой в руках,
Скряжещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала;

Там рвали друг у друга гром,
Осмь крат спирали град челом
И царство поборали царством,
Зла гения коварством,
Который так, как жгущий Эвр³,
Смотря на древний кедр,
Стоящий на челе святой горы Синайской,
Всех прохлаждавший тенью райской,
Преклоншившися лицом
Над осмь морей стеклом,
Простерт быв на полсвете корнем,
Цвел в покровительстве Господнем;
Но Эвр его давно сносить не мог;
Решился с высоты низринуть в лог:
Напал, игл несколько сшиб зевом,
Но стебля сбить не мог всех сил набегом.
Вздохнул впервый на неуспех
И с срамом вспять побег.

Бежит,— и пламенным мечем
Его в тыл Ангел погоняет,
Отвсюду ужасом смущает,
След сеет огненным дождем.
Встревоженный, взъяненный, бледный,
Он с треском в воздух мешает стены,
С кремлевского их рвав холма;
С чела его в мрак искр косма,
Сквозь дыма сыплясь, как комета,
Окровавляла твердь полсвета.

Бежит,— и несколько полков,
Летящих воздуха волнами,
Он видит теней пред очами
Святых и наших праотцов,
Которы в звездном чел убранстве,
Безмерной высоты в пространстве,
Как воющей погоды стон,
«Наполеон! Наполеон!»
Лиют в слух жалобы: «из злости
Ты наши двигал прах и кости!»

Бежит,— и зрит себя вокруг
 Он тысячи невинных вдруг,
 Замученных и убиенных,
 Им не запечатленных,
 Что полумертвым взором зрят,
 С уст посинелых хлад
 Дыхав, со всех сторон кричат ему с укорой:
 «Ты, ты предвременной и скорой
 Нас смертию посек,
 Когда на брани тек.
 И се,— наполненну слезами
 Семейств и нашими кровями,
 Обвиту жалами шипящих змей,
 Ту чашу смертну, в жизни что своей
 Ты наполнял безперестанно,
 Желал и требовал несъто, жадно
 Еще, еще себе кровей,
 Прими теперь и пей!» —

Бежит,— себя сам упреждав;
 За скорыми его шагами
 Лишь поспевает Смерть прыжками,
 Тел груды по странамбросав;
 Там медные лежат драконы,
 На кони наваленны кони
 И колесницы друг на друг.
 Великого здесь вождя дух,
 Искусство, смельство видно бранно,
 Что он бежит лишь беспрестанно!

Бежит,— хотя и жаждыполн
 К сокровищам неоцененным,
 В чертогах, в храмах похищенным;
 Но их и всех кидает он
 Друзей, больных без сожаленья.
 Сей гений — ищет лишь спасенья!
 Его страшит и ветров свист
 И скрип дерев и падший лист,
 В сердечных отзываюсь недрах,
 Как страшный гром во мрачных дебрях.

Бежит,— и сам себя внутрь рвет,
 Что сильно Росс его женет;
 Но кажется, будто бы бесстрашно
 Он шествует обратно.
 Так волк в леса бежит назад,
 Быв прогнанный от стад,

Оставя добычу, и рыщет хоть скачками,
Но, взад озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплет из очей;
Иль аспид, лютый змей,
Бежит так с поль, коль Север дует
И Афра за собою чует:
То вверх главу, то вниз клоня, ползет,
Шипит, крутит хребет, хвост в кольца вьет;
И сколько змей сей ни ужасен,
Но поползок его тем паче страшен,
Что дым струится в нем и смрад,
А воздух дышит яд!

Бежит,— и видит наконец,
Что за его все злодеянья
Готовит небо наказанья,
И падает с него венец;
Что, став пред собственным уж взором
Кладбищным рать его позором,
От глада, ран и мраза мрет.
О ужас! Галл здесь Галла жрет!
Но с сердцем Бонапарт железным
И сим смеется бедствам слезным!

Бежит,— но сорока двух лун
Уж данный срок на возвышенье,
Еще пяти — на оскверненье
Ему прошел; уже перун
Предвечного висит закона
Поверх главы Наполеона:
Еще немного — он падет,
И сонм тех царств, что с ним идет,
Вдруг на него весь обратится;
Содом, Гомор с ним вспепелится.

О, так! таинственных чисел зверь⁴,
В плоти седьмглавый Люцифер,
О десяти рогах венчанный,
Дни кончит смрадны.
Сей мнимый гений, царь царей,
Падет злый вождь вождей.
Судьбы небесные издревле непреложны:
Враги Христовы суть ничтожны.
От них нам вера — щит;
Он праведных хранит.
Кто ж щит дает сей царств в отпору?
Царь, не причастный Вельфегору⁵.

Так! Александров глас наш дух вознес:
Прибег он в храм — и стал бесстрашным Росс.
Упала демонская сила
Рукой избранна князя Михаила⁶.
Сей муж лишь Гога мог потрясть,
Россию верой спасть.

Какая честь из рода в род
России, слава незабвена,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край Росса весь;
Но буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?

Почто вмешались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилон, Париж!
О град мятежничьих жилищ,
Где Бога нет, кроме злата,
Соблазнов и разврата;
Где самолюбью на алтарь
Все, все приносят в дар!
Быв чужды царств несъйт, ты шел с Наполеоном,
Неизмеримым небосклоном
России повратить,
Полсвета огорстить.
Хоть прелестей твоих уставы
Давно уж чли венцом мы славы;
Но, не довольствуясь слепить умом,
Ты мнил попрать нас и мечом,
Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили;
Где ж мамелюк твой, где элит?
О вечный Сене стыд!

Так, дерзка Франция! и вы,
С ней шедшие на нас державы!
Не страшен нам ваш ков коварный,
Коль члены мы одной главы.
От хижин, церкви до престола
И дети все до нежна пола
Суть царски витязи у нас.
Вы сами видели не раз,
Как вел отец детей ко брани,
Как сами шли бесстрашно к казни.

А ваша где надменность слов
И похвальбы Наполеона,
Что к обладанью росска трона
Не меч он нес, а пук оков?
Где на монете, им тисненной,
Тот царь Москвы, тот царь вселенной,
Кто произнес толь дерзку речь,
Что он, поколь наверх свой меч
Петрова не положит гроба,
Не даст покою нам?.. О злоба!

Но дух Петров, сквозь звездну мглу
С улыбкой вняв сию хулу,
Геройской кротости в незлобии
Вспарил орла в подобье,—
И грянул бородинский гром.
С тех пор Наполеон
Упал в душе своей, как дух Сатаныла,
Что древле молньей Михаила
Пал в озеро огня
И там, стеня,
Мертв в помыслах лежит ужасных
Под ревом волн, искр смрадных, страшных.
А если он когда еще и жив,
То только тем, что, взоры искосив
На Север с зависти и злости,
Грызет свои, беснуясь, ссохши кости,
На славу Александра зря,
Всем милого царя.

<...>

Лежит! — о радость! о восторг!
Кавказ и Тавр⁷ встают мне выше,
Евксин⁸ и Бельт шумят мне тише:
Мы победили,— с нами Бог!
Вселенна знай и все языки,
Коль благ Бог в бранях нам великий!

Внемли, враг скрытый, нам хвалу;
Гладь, змей, язык свой о пилу;
Кричи, что рейнски страшны силы; —
Их с Немана по Обь могилы⁹!

Так, щит нам Бог: мы страшны Им,
Его мы волей торжествуем,
Ему победы восписуем,
Им Русский Царь непобедим,—
Будь одного Его держава!
Славян всегда наследье — слава.
Не блещут доблести без бед,
И превосходств нет без побед.
Бог посетил нас, — Бог прославил,
Всех выше царств земных поставил.

